

НАУКА И ТОРА, ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ

Иегуда Мирский

Иерусалим, Израиль

РАВВИН КУК: ИЗ БАУСКИ В СИОН

Думается, можно смело сказать, что не многим латвийцам хорошо знакомо имя Авраама Исаака Кука¹. Ирония заключается в том, что раввин Кук, который родился в 1865 г. в Гриве, на берегу Западной Двины (Даугавы), и жил на территории Латвии и в ее окрестностях до 1904 г., в настоящее время считается одним из наиболее значительных религиозных мыслителей современности, чьи труды все больше публикуются, изучаются и переводятся во многих странах. Ежегодно появляются новые издания его теологических и правоведческих трудов и по-смертно публикуется все больше его произведений. До сего дня, почти через 70 лет после его смерти, на политических дебатах в Израиле регулярно формулируются вопросы о том, что он говорил и что бы он сказал сегодня.

Кем был этот человек?

Раввин Кук более всего известен сегодня как первый *ашкеназский раввин в *подмандатной Палестине и первый и самый крупный представитель высшего раввината, одобрявший *сионизм. Более того, в нем уникально сочетались правовед-схоласт, экстатический мистик, лирический поэт, теолог-модернист, общественный лидер и благочестивый человек, чья мессиянская проницательность все еще согревает израильских поселенцев, а его универсальность воодушевляет религиозных левых.

В своих многочисленных теологических трудах тогда и в последующие десятилетия Кук детально развивал идею о том, что толерантность и плюрализм — это не только уступка реальности конфликтующих точек зрения, а признание того, что присутствие Бога наполняет весь мир и все его народы и что любая «перспектива, любой язык, культура, вера должны сыграть свою особую роль в окончательном спасении мира».

Он прославился в годы жизни в Израиле. А прибыл он сюда в возрасте 39 лет в 1904 г. До того у него была плодотворная жизнь, главным образом в Латвии, а также в Литве. Эти десятилетия достойны изучения за тот свет, который они проливают на его развитие и за возможность увидеть в настоящем свете его время.

Самый старший ребенок Шломо Залмана и Перель Злоты Кук родился 7 сентября 1865 г. / 16 Элула 5625 г. в Гриве (в то время Грива-Земгаллен) Курляндской губернии (ныне в Латвии) и был назван Авраамом в честь деда с материнской стороны, который, однако, был ранним последователем *хасидизма, и Исааком по предку отца.

В то время, когда родился Авраам Исаак, в 1865 г., общая численность населения Гривы составляла 2600 человек, без точных данных о евреях. Пригород

¹Перевод с английского.

Авраам Исаак Кук

Даугавпилса (по-немецки *Dünaburg*, на русском и *идише — Двинск) Грива, которая находится на другом берегу Двины, по существу состояла из одной улицы длиной приблизительно в два километра и нескольких отходящих от нее переулков².

Близость Гривы к Двинску придавала ей отличный от преимущественно сельской Курляндии характер. В середине XIX в. евреи составляли половину населения Двинска — около 23 тыс.³ Последняя треть XIX в. была временем роста, и на исходе столетия число евреев в обоих городах утроилось; примерно от четверти до трети двинских евреев жили в бедности. Руководство общиной находилось в руках нескольких семей благодетелей — квазипросветителей, которые содержали основные благотворительные организации. Чувствовалась также напряженность между хасидами и *митнагедами,

дошедшая до необычной точки в 1871 г., когда обе стороны бойкотировали больницы другой стороны⁴.

Евреи Курляндии — «курляндские *литваки» считались гибридом: многие были необразованны, синагоги обычно соблюдали хасидские обряды, люди говорили больше на немецком, чем на русском и даже на идише, и было совершенно необычно видеть ученика *иешивы, читающего комментарий Мендельсона⁵ к *Торе. В то же время и в раввинских классах высокий литовский *талмудизм, конечно, оказывал сильное влияние, главным образом через образовательное воздействие и моральный авторитет Воложинской иешивы, — первоисточника литовской митнагедской культуры⁶.

К середине — концу XIX в., пишет Мордехай Залкинд, в митнагедском центре северо-восточной Литвы, которая граничила с Курляндией, фактически везде было много хасидов, хасиды были и в Двинске — крупном городе на другом берегу реки, напротив Гривы. Большинство, хотя и не все, были *хабадниками и черпали свои силы в своей близости к центру хабада в Белоруссии⁷.

Начальное образование Авраам Исаак Кук получил под руководством своего отца, митнагеда, и своего деда со стороны матери — хасида. Рассказы о его детстве во многом совпадают со знакомыми рассказами о необыкновенно одаренном молодом талмудисте, или *илуи* (молодой человек с выдающимися способностями), известными в других местах Восточной Европы: фотографическая память, удивительная способность к многочасовым занятиям, мощная сосредоточенность и живой ум — все это поощряемое и укрепляемое родителями и учителями⁸. В то же время рассказы свидетельствуют также о высокой эмоциональной чувствительности, о большом интересе к языку. В более поздние годы он вспо-

минал, что его родители шутя постоянно спорили о том, будет ли он в конце концов талмудистом-митнагедом или хасидским *ребе⁹.

С девяти до пятнадцати лет Авраам Исаак Кук учился на другом берегу реки, куда его отправил отец, у раввина митнагедской общины Двинска Реувена Галеви Левина (1810—1887), известного под прозвищем «Рав Рувеле Динабургер»¹⁰. Выдающийся ученый, он впоследствии в своей карьере немного симпатизировал протосионистскому движению *«Хибат-Цион»¹¹. В молодости он был учеником Иегуды Лейба Шапиро, ученика Хаима Воложинского и раннего просветителя Менаше из Или¹² (1767—1831)¹³.

Создается впечатление, что раввин Левин был очень почитаемой, но несколько индивидуалистичной фигурой в литвакских раввинских кругах, и, хотя он мало публиковался, он был чем-то вроде «талмудистического талмудиста», который никогда не достигал славы авторитета в обществе некоторых своих современников. Раввин Кук вспоминал, что он говорил ему, что целью учения является просто понимание текстов и получение правильных *галахических решений, а не нахождение блестящих объяснений, как бы соблазнительно это ни было.

В 15 лет, в 1880 г., Авраам Исаак Кук уехал из дома в Люцин (Лудзу) — латвийский город, где половину населения из приблизительно четырех тысяч человек составляли евреи, среди которых было много просветителей (*маскилим)¹⁴. Раввином там был Элизер Дон-Ихье (1838—1924), о котором он вспоминал: «Его сияющее лицо, величие души, кладезь добра и благосклонности, ясность рассуждений и широта знаний... и все это заключено в хорошо сложенную физическую форму, удивительно ладную и здоровую...»¹⁵ У *рабби не было иешивы, и он сидел со своими учениками в обычном *бет-мидраш. Немаловажно для нас, что биограф р. Дон-Ихье рассказывает нам, что он считал важным регулярно заниматься со светскими людьми, включая занятия *мидрашом и философией¹⁶. Сообщают, что он также поддерживал очень хорошие отношения с местным нееврейским населением.

Точно не известно, почему Кук поехал в Люцин, хотя семейные связи как с материнской, так и с отцовской стороны проливают некоторый свет. Отец р. Дон-Ихье — Шабтай был новообращенным хасидом вообще и *любавичским хасидом в частности. Как дед раввина Кука со стороны матери, он был учеником Цемаха Цедека, и один из братьев р. Дон-Ихье был раввином в Капусте, вышеупомянутой родине боковой любавичской ветви, почитаемой дедом раввина Кука¹⁷.

Более того, жителем Люцина в то время был бывший ученик раввина Левина и родственник Куков — Яков Рабинович, двоюродный брат Шломо Залмана Кука¹⁸. Я. Рабинович был банкиром и обучал Талмуду небольшую группу из примерно шести учеников, к которым теперь присоединился и его юный двоюродный брат. В последние годы раввин Кук вспоминал, что два его учителя были примером двух типов изучения Талмуда. Дон-Ихье придавал особое значение энциклопедическому знанию многих текстов, в то время как Яков Рабинович длительно и глубоко изучал отдельные фрагменты.

Наибольший интерес представляет тот факт, что Рабинович был просветителем-самоучкой, энтузиастом Библии с тонким стилем древнееврейской прозы, имел большую личную библиотеку, включая труды по философии и истории, в которой его молодой двоюродный брат проводил много времени. Следует отметить, что в последние годы раввин Кук вспоминал его как «большого ученого и человека, обладающего обширными знаниями»¹⁹. Возможно, что в библиотеке Я.

Рабиновича Авраам Исаак впервые познакомился с литературой просветителей. Действительно, проводя часы в библиотеке Якова Рабиновича, он также начал сочинять стихи наряду с юношеским толкованием Торы²⁰.

Подробные воспоминания его соученика, товарища в то время в Люцине — журналиста Авраама Шовера, написанные в 20—30-х гг., добавляют к нашему собранию рассказов о молодом Куке, о его набожности, удивительной способности к учению и повышенной эмоциональной чувствительности; что более интересно — мы узнаём, что, в то время как он одевался в стиле молодых просветителей, он следил за грамматически правильным древнееврейским произношением, писал стихи, читал труды М. Малбима и дидактическую пьесу Моше Хаима «Ла Иешарим Техилла» и проявлял другие характерные для просветителей манеры поведения, он регулярно выражал ортодоксальное отношение, сурово критикуя модернизацию и светское университетское образование²¹.

После двухлетнего пребывания в Люцине в возрасте 18 лет, в 1883 г., он провел год в Сморгони под Гродно — промышленным городом, полным кожевенных заводов, других предприятий легкой промышленности и пекарен (особой известностью пользовались городские бублики).

Из всего этого можно сделать вывод, что к 18 годам Авраам Исаак Кук благодаря различным учителям и личностям был открыт не только талмудизму, но и хасидизму, некоторому просветительству, а также *мусару. Все его учителя были серьезными талмудистами, и это было основой его образования; в то же время он был открыт для некоторых ограниченных форм *гаскалы, возможно, под влиянием раввина Левина из Двинска и, конечно, Якова Рабиновича; хасидизм он перенял от семьи своей матери — от Иехезкиеля Яновера в Гриве и от раввина Дон-Ихье из Люцина; между тем он немного изучал мусар, получил большую поддержку и очевидно готовился к солидной раввинской карьере.

По возвращении из Сморгони весной 1884 г. он сначала встретился с раввином Элияху Давидом Рабиновичем-Геомимом (1842/43—1905), знаменитым талмудистом и раввином Поневежа (ныне Паневежис в Литве), искавшим мужа для своей старшей дочери Батшевы Сарры Ривки, которая родилась в 1867 г.²² Он произвел исключительное впечатление на своего зятя, который опубликовал после его смерти восхваляющую его книгу²³. Известный под своим акронимом Адерет, он оставил нам редкостные мемуары «Седек Элияху»²⁴.

Когда пришло время найти для старшей дочери мужа, он начал расспрашивать свое окружение и услышал про молодого Кука, который помимо того, что был стоящим молодым человеком и религиозным ученым из хорошей семьи, имел родителей, для которых бедность Адерета не имела значения. Он предложил встретиться с ним в Риге летом, и его реакция на будущего зятя была немедленной и пронизательной: «Когда я его увидел и поговорил с ним несколько часов, моя душа потянулась к нему, он мне понравился с первого взгляда, я увидел его исключительные таланты и религиозность и то, что он станет могучим деревом». После встречи будущей пары в Добельне (ныне Добеле в Латвии), куда Адерет регулярно ездил на воды, договор о помолвке был заключен по возвращении в Двинск осенью, и Авраам Исаак уехал на год учиться в Воложин²⁵. Его будущий тесть обещал ему предоставить на несколько лет кров и содержание для продолжения учебы.

По прибытии в Воложин р. Кук погрузился в более динамичную среду иешивы, чем известная ему прежде, и которая действительно вряд ли существовала

еще где-либо. Талантливые молодые люди прибывали туда со всей Восточной Европы для интенсивных занятий 365 дней в году²⁶.

Здесь он впервые учился у талмудиста с мировым именем — стал учеником главы иешивы Нафтали Цви Иегуды Берлина (1817—1893), на которого он регулярно с почтением ссылался как на своего наставника и учителя до конца жизни²⁷.

Хотя подавляющее большинство учеников происходили из митнагедской среды, там были и немногочисленные хасиды, включая соученика Кука, задумчивого хасида-хабадника из Полтавы Иоэля Шурина (1871—1927)²⁸. Другим учеником, происходившим из хасидов, был не кто иной, как Миха Иосиф Бердичевский, чья карьера затем шла параллельно и интересно контрастно с карьерой его современника Кука, когда он появился как *infant terrible* современной еврейской литературы и главный толкователь Ницше на *иврите.

Бердичевский в воспоминаниях рисовал картину сильного модернистского влияния в стенах иешивы: «Состав учеников иешивы подобен морю с различными видами рыб, среди них имеются богатые и бедные, ученые, писатели и литераторы, необыкновенно одаренные люди и острые умы, некоторые с исключительным знанием и памятью, а также те набожные и цельные, которые еще не затронуты просвещением... Жизнь в иешиве протекает, как обычно, там есть националисты и не таковые, любящие *Сион и не таковые. Модернизм там также имеет сильное влияние, националисты без конца спорят о нации и обо всем другом в мире евреев и иудаизма; они также строят миры и разрушают их. Здесь читают следующие газеты: «Ха-тсефира», «Ха-мелиц», «Ха-магид», «Ха-иегуды», «Ха-яхдут», «Ха-митспех», «Хе-асиф», «Махзикей-хадат», «Ха-бокер ор», «Хатсеви», «Новости», «Новый свет», «Восход», и по-немецки — «*Wochschrift*», «*Die Jüdische Presse*», «*Selbst-Emancipation*» и две газеты на английском...»²⁹

Кук выделялся своей набожностью, он молился проникновенно в отличие от прохладного интеллектуализма большинства учеников; в отличие от большинства чисто выбритых сверстников, у него была борода; у него была записка с цитатой известного места из псалма 16:8 «Представляю я Бога перед собою всегда...», прикрепленная к лампе, стоящей перед ним, что вызывало неодобрение некоторых других учеников; он разговаривал на древнееврейском языке³⁰; он был известен как «тот, с безумными глазами» («*дер бухер мит ди мешугене ойген*»)³¹.

Его свадьба с Элишевой Батшевой Рабинович-Теомим состоялась в Поневеже весной 1886 г., и там он закончил свою учебу, в большой мере со своим тестем. В Поневеже он также изучал *каббалу с одним из местных раввинских судей Моше Исааком Рабиным, о котором мы мало знаем.

Финансовые трудности постигли Адерета и его семью почти сразу после свадьбы, так как подарки от горожан и друзей оказались меньше ожидаемых³². Его жалованье — девять рублей в неделю — выплачивалось с перерывами, и даже когда оно восстанавливалось, было недостаточно для оплаты аренды, и в 1887 г. он, его жена, дети и зять были вынуждены жить бесплатно в тесной квартире во дворе местной больницы; члены семьи регулярно спали на нескольких из шести стульев и жестких скамейках, которые составляли почти всю их обстановку.

Понимая, что так жить нельзя, р. Кук стал подыскивать для себя место раввина и навел справки о возможности получить работу в Жеймля (ныне Жеймялис в Литве), городе с населением 1000—1200 человек, менее половины которых составляли евреи, в 60 километрах к северо-востоку от Шавлей (ныне Шяуляй в Литве), в четырех километрах от границы с Латвией. Большинство городских се-

мей были заняты в той или иной отрасли сельского хозяйства, а евреи были также торговцами³³. Один горожанин подписывался на «Ха-магид» и трое — на «Ха-мелиц»³⁴.

Субботнее посещение города зимой 1888 г. оказалось успешным, и горожане избрали его своим раввином. Для Адерета это было горьковато-сладким моментом: «И в душе я посмеивался над их мечтами и говорил им, что они могут быть уверены, что через несколько лет они будут гордиться его славой — и тогда и там они дали ему раввинскую власть с красотой и достоинством и проводили его под праздничным балдахинном в синагогу, и он продолжал свою речь. И я горько плакал в душе, потому что из-за моих грехов он был вынужден принять пост раввина в расцвете лет ввиду моих тяжелых времен и скудости, из-за чего я не мог содержать его в моем доме».

Вскоре после прибытия в Жеймель р. Кук начал подыскивать другое место и остановился на должности в Бауске³⁵. Он был дружен с тамошним раввином Мордехаем Элиасбергом (1817—1896), ведущей раввинской фигурой в «Хибат-Цион»³⁶.

М. Элиасберг учился в Воложине, где он был современником и другом Нецива. Потом он был предпринимателем в Риге и Ковно (Каунас в Литве) и познакомился с западными и обрусевшими евреями; он был раввином в Бауске с 1861 г. до самой смерти. Он был превосходным ученым и очень набожным человеком³⁷. Элиасберг рано проявил интерес к улучшению экономического положения евреев, в чем он видел решение еврейских проблем. В 1869 г. он втянул издателя «Ха-магид» Давида Гордона в длительную полемику, призывая к созданию восточно-европейской версии **Alliance Israelite Universelle*, но сосредоточивал внимание почти исключительно на экономических вопросах, а не на вызывающих разногласие религиозных материях, хотя он утверждал что «сущность чистой гаскалы» не повредит иудаизму. В 1870-х гг. под влиянием распространения гражданских прав для евреев в Западной Европе он начал убеждать, что надо воспользоваться универсальными признаками просветительства и братства для возвращения народа Израиля на свою землю. Он активно работал в «Хибат-Цион» с 1883 г. и, в противоположность другим раввинским фигурам там, в целом не был враждебен просветителям (*маскилим*).

Доказательством экуменизма Элиасберга может служить то, что после его смерти его восхваляли в *«клойзе» Виленского Гаона³⁸, в *реформистских синагогах в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и других местах, студенческих ассоциациях и в печати сам Ахад-Гаам³⁹. Он был прагматиком, который больше, чем большинство его коллег, видел в опыте современного западного еврейства частичную модель для подражания.

Помимо его статей в просветительской прессе, что было отступлением для традиционалистского раввина, М. Элиасберг, по рассказам, написал около 25 работ, хотя только немногие его произведения были опубликованы: сборник талмудистских учений его самого и его сына Ионатана (выдающегося ученого, который умер молодым; он был автором талмудического комментария и проницательного трактата об изучении Торы как интеллектуальной практике) и сборник очерков по вопросам современности под названием «Шебил хазанав» («Золотая середина»)⁴⁰.

В своих трудах М. Элиасберг уравнивал духовные свойства Страны и народа Израиля и видел их как неразрывные⁴¹. В Стране должны развиваться сельское

хозяйство, промышленность, коммерция и ремесла, и она должна стать центром изучения Торы. Элиасберг признавал правоту некоторых современных критиков традиционного общества и особенно его моральных недостатков, которые он относил за счет вреда изгнания, и говорил, что создан вид корродирующего индивидуализма, стимулированного экономикой, который может быть исправлен возвращением на землю. Он также удивительно положительно относился к Моисею Мендельсону — как к его личной набожности, так и к его творческому подходу к переопределению еврейской религиозной идентичности в условиях *эмансипации⁴².

Другими словами, Элиасберг был для молодого раввина Кука старшим коллегой, который шел в направлении некоторого синтеза традиционной религиозности с ограниченными, но искренними приятными аспектами модернизма; он пытался приводить доводы в пользу единства внутри еврейской общины. На последних страницах своей посмертно изданной работы раввин Элиасберг прочувственно призывал к терпимости: «И главный и великий принцип заключается в том, что все большие знатоки Торы и набожные люди должны любить людей, включая свободомыслящих также и в своих поступках... Будьте как Аарон... Мы должны разъяснять явления терпеливо, каждому в соответствии с его интеллектом... И просветителям я говорю: любите Бога и его учение и совершайте добрые поступки, пускай нравственная чистота будет вашим ведущим принципом. Просветители предлагают путь холода, фанатики — путь огня, а мы должны ходить посередине, и тогда Бог щедро одарит нас своим духом»⁴³.

М. Элиасберг скончался в 1889 г., и одним из тех, кто превозносил его был молодой р. Кук; Моисей Израэльсон, видный местный деятель, услышав его, решил, что Кук должен стать преемником р. Элиасберга. Все же это произошло не скоро, так как для одних он был слишком молод, а для других слишком набожен, поэтому преемником р. Элиасберга сразу стал Иехезкиель Лифшиц (1862—1932) — раввин, который имел также некоторое общее образование и широкие интересы и лучше всего был известен своими яркими проповедями⁴⁴. Через пять лет р. Лифшиц уехал в Плоцк и таким образом р. Кук занял пост раввина в Бауске в 1895 г., в возрасте 30 лет.

1890-е гг. были периодом сильного брожения в культуре литовской иешивы. Многие молодые люди покидали сферу деятельности иешивы и ортодоксии; действительно, Бердичевский документально подробно описывает собственные религиозные борения в своих трудах; в «Ха-шилоах» Х. Н. Бялик опубликовал элгии по поводу жизни иешивы, которые в итоге стали каноническими текстами.

Это было также время сильного брожения раввинской общественности. В 1860—1870-х гг. в сердце рейнской общины появилась новая подгруппа — деятели, которые, несмотря на свою твердую приверженность изучению *Галахи и Торы, были согласны с подходом к социальным проблемам с помощью новых интеллектуальных механизмов и категорий и пытались найти средний путь между радикальными просветителями и раввинами-традиционалистами. Среди них мы видим двоюродного дядю р. Кука Мордехая Гимпеля Яффе и его зятя Иосифа Захарию Стерна, Морехая Элиасберга из Бауски вместе с И. М. Пинесом, Исааком Рейнесом, Шмуэлем Могилевером и др. Можно заметить общий путь интеллектуального развития среди многих раввинских фигур того поколения — начиная с критики еврейской хозяйственной жизни, продолжая призывами к реформе образования, затем некоторыми галахическими реформами и, наконец, в 1880-х гг.

с объединением с нарождающимся палестинофильством — «Хибат-Цион» националистическая программа виделась как рациональное продолжение их более ранних интересов.

К 1880-м гг. когорта просвещенных раввинов эффективно сместила свои интересы и мышление с умеренных реформ в России к нарождающейся идее обновления еврейской жизни путем развития Палестины, получившее название «Хибат-Цион»⁴⁵. Классическое стремление восточноевропейских просветителей к культурной экспрессии, наряду с провалом либерализма и реформизма, и растущая враждебность нееврейского общества способствовали решению кризиса идентичности, направленного на националистическое решение социально-экономических и культурных проблем, поразивших российское еврейство.

Бауск находился в латвийской Курляндии, на реке Лиелупе, чуть севернее литовской границы. Евреи достигли здесь своего пропорционального зенита в 1881 г., когда их число составило 3361 из 6544 человек населения, или 60 %. В 1897 г. население состояло из 6544 человек, из которых 2745 были евреями, или 42 %, и около 300 из них были ремесленниками и мастерами. Разница между латвийскими и литовскими евреями была выраженной, так как последние были большей частью бедняками, не имевшими гражданских прав, и таким образом сильно зависели от благотворительности общины. В 1897 г. община имела два частных *хедера и одну *талмуд-тору; немногие евреи учились в гимназии; в итоге многие бауские евреи приняли участие в революции 1905 г.⁴⁶

Другим направлением в это время был рост движения мусар в иешивах. Израиль Салантер, основатель мусара, жил в последние десятилетия своей жизни в Центральной Европе, все еще направляя послания о нравственном самонаблюдении и обновления своим ученикам в его родной Восточной Европе. После его смерти в 1883 г. его последователи и их ученики ввели его учение в иешивах, и эти изменения в программе и методе стали источником реального противостояния.

На фоне этих перемен А. И. Кук вступил в должность раввина в Бауске.

Подробное описание Бауска тех лет оставил нам Зеев Арье Рабинер, чей отец Беньямин, внук первого бауского раввина, преподавал в иешиве, которую основал там р. Кук⁴⁷. Он описывает Бауск как среднесостоятельную упорядоченную общину с несколькими синагогами, включая отдельные для хасидов и митнагедов, с различными благотворительными обществами и организациями социального обеспечения, сионистскими организациями и сионистской библиотекой; близость к раввинскому оплоту — Литве придавала городу более ортодоксальный дух, чем другим латвийским общинам, хотя это был современный город, на который оказывала влияние немецкая культура, и многие евреи также были людьми свободных профессий⁴⁸. Он пишет, что р. Кук был в хороших отношениях с *казенным раввином Иекутилем Галеви Эфраимсоном и переписывался с его сыном — ортодоксальным писателем и интеллектуалом по имени Яков⁴⁹.

А. И. Кук известен также тем, что закладывал свои собственные ценности в пользу бедных и основал талмуд-тору для детей бедноты. В дополнение к иешиве, где р. Кук иногда читал лекции, он с помощью своего младшего брата Саула и его учеников Беньямина Менаше Левина и Моше Зайделя создал общество для молодых людей — рабочих и студентов под названием «Тиферет бахурим», известное также как «гвардия ребе», которое собиралось для изучения Библии и «Хореба» Самсона Рафаилла Гирша, имело маленькую библиотеку и иногда ставило небольшие спектакли⁵⁰. По субботам после полудня р. Кук изучал *«Цеена у-Ре-

ена» с рабочими у себя дома. Он также основал общество «Линат-Хацедек» («Благотворительный ночлег») для посещения больных и одалживания предметов, необходимых для ухода за больными⁵¹.

Оба — и Зайдель, и Левин — позднее стали известными учеными: Зайдель — семитологом, знатоком семитских языков, а Левин — ведущим современным ученым, изучающим геоническую (VII—XI вв.) Галаху. Глубокая многолетняя дружба с каждым из них также дала часть наиболее важной переписки р. Кука.

В Бауске он развивал ту духовную углубленность и напряженность, которыми в итоге разразился в Стране Израиля. Когда однажды они с Беньямином Менаше Левиным прогуливались в окрестностях города, р. Кук начал обсуждать Песнь Песней, и в частности комментарии р. Акивы к Мишне, что «если Моисеево учение (Тора) свято, то Песнь Песней — святая из святых. Он продолжал с такой страстностью, что, как вспоминал потом Левин, „я сразу вложил ему в руку карандаш, и он сел на один из камней у развалин городской стены и писал...“».

Что же он писал здесь, у старой городской стены Бауска?

«Литература... должна выражать все духовные концепции, запечатленные глубоко в душе человека, и до тех пор, пока хоть одна линия света запрятанная в глубине души, не выражена, искусство обязано вскрыть ее... Душевные бури естественных чувств любви, составляющих большую часть существования, этики и жизни должны интерпретироваться литературой во всех скрытых проявлениях, которые она выражает... Невозможно было для всей письменной сокровищницы святого народа, вся история которого полна любви в ее божественной твердости и силе... невозможно было не написать про эти страстные устремления. Только он [т.е. Акива], тело которого было истерзано металлическими гребнями, и мог сказать, что он очень сожалеет о том, что никогда не выполнял искренне заповедь любви к Богу, только он мог сказать, что мир был недостойн дня, когда была открыта Песнь Песней...»⁵²

В эти годы р. Кук писал много *респонсов, раввинских юридических заключений, а также первые тома своих комментариев к неканоническим частям Талмуда. Однако хотелось бы использовать эту возможность, чтобы немного коснуться двух его трудов, которые могут привлечь внимание к двум граням его личности — высокой личной духовности и глубокому, хотя и противоречивому протечению современной еврейской истории.

« М у с а р - А в и к х а »

Этот короткий нравоучительный трактат (мусар) был сочинен в один присест в 1890-х гг.; Цви Иегуда снабдил его заголовком и разделил на четыре главы при первом опубликовании рукописи в 1946 г.⁵³ Эту книгу следует понимать в контексте с полемикой приверженцев мусара в 1890-х гг., и это особенно помогает нам понять что означало слово «мусар» для р. Кука на данной стадии его размышлений. Это важность религиозной жизни, Торы и исполнения заповедей по отношению к развитию собственной личности в свете его отношения к воле Божьей, которая является Его откровением в этом мире.

Личная интроспективная природа этой работы разъясняется во вступлении: «Представляется, что человек может исполнить свой долг в смысле душевных обязательств, только создав для себя книгу с уроками, которые ему необходимы для этого в специфических и даже общих вопросах, для того чтобы лучше понять, какие новшества он хочет внести в них своим умом... и таким образом со-

здать разумные рамки для себя, потому что нельзя достичь совершенства (*шлемут*), если не развивать этим свой рассудок»⁵⁴.

Конечно, начать произведения с апологии — это стандартный прием раввинской литературной условности. Тем не менее нельзя не заметить индивидуализм, подразумеваемый в этом вступительном комментарии, призывающем человека писать, — нововведение — как необходимое условие для его духовных обязательств. В то же время это сочинение, как многие работы его современников, кажется ответом движению мусар, в котором он, принимая всерьез акцентирование сторонниками мусара значение саморазвития, пытается ввести это понятие в более классические галахические и, в данном случае, каббалистические тексты⁵⁵.

В этом вступлении также чувствуется определенная напряженность между подчеркиваемой митнагедами важностью учебы и рассудка и подчеркиваемым хасидами значением молитвы. Так, он утверждает, что человек не может достичь совершенства без развития своего рассудка, но молитва должна быть средоточием его энергии и служить призмой, через которую он наблюдает свое собственное приближение к совершенству мысли и чувства⁵⁶.

Набожность, правильно понятая, — это синтез воли и рассудка, который приближает человека к божественному духу.

Всякий раз, когда человек совершает добро, предписанное Торой, по велению своей души и в согласии с рассудком, на него нисходит религиозный экстаз из сокровищ жизни и добра, так как его рассудок становится в один ряд с рассудком, который нисходит от Него [т.е. Бога]...⁵⁷

Интересно, что он подтверждает ценность свободы, которую он видит как части внутренних роста и приобретений, души, понимаемых так, как в *лурианской каббале: «Свободы и экспансивность присущи душе и радуют ее, потому что тело и все его части являются для нее большой тюрьмой...»⁵⁸

Далее он подробно останавливается на свободе, излагая квазиницшеанскую мысль: «Изучение Торы не может расширяться и углубляться до настоящей мудрости и совершать добро и справедливость в больших делах в отсутствие души, полной силы и смелости идти широко и свободно»⁵⁹.

Он выравнивает круг хасидизма и митнагдизма, говоря, что, когда вы учитесь — учитесь, а когда вы молитесь — молитесь, когда совершаете добрые дела, делайте это и сосредоточьтесь на том, как сделать это лучше всего на благо других; все должно доводиться до совершенства⁶⁰.

Это не простой трюизм, а размышление об основах строения Вселенной.

Основа *тикун*'а — расположить каждую вещь и каждую силу — будь то в душе или в мире — точно на свое место и не менять порядок и таким образом избежать эманации сил. Бог создал человека и природу правильно (*яшар*) (*sic*), со множеством сил и средств, необходимых для совершенства/цельности тела и души, чтобы делать добро и мыслить, и тот, кто нарушает порядок, ниспосланный Его властью, опустошает и разрушает⁶¹.

Вопреки особому подчеркиванию свободы попытка культивировать совершенство все же не ультимативно антропоцентрична. Никакие добрые дела или изучение божественных материй не будут реализованы, «если главной целью человека не будет угождать Богу, который повелел нам в Своей милости совершенствовать себя в ожидком совершенстве приобретения знаний о Нем»⁶².

Таким образом, само совершенство — это часть космического задания *тикун*'а, а возврат к своим истокам и самому существованию, совершаемый не

только для себя, но для всех живых существ⁶³. Это требует совершенства, мудрости и воли, Бог, пишет он, вселил во всех любовь к жизни, так как он решил оказывать благотворное влияние на свои создания на протяжении жизни: «...в итоге душа человека не более чем концентрирующая точка, сталкивающаяся со множеством понятий вне ее... и Бог, который милостив ко всем, дал это в руки человеку, так как Он сотворил его с таким качеством, что развитие стремления к совершенству лежит только на нем самом»⁶⁴.

Каждое доброе дело пребывает в покое и мире и тихо текущей радости, когда оно находится на правильном месте, заполняя все его жизненное пространство, даже если наблюдатель издалека увидит суету и беспокойство. Мудрый человек постигает первое, глупец — последнее⁶⁵. В заключение он говорит: «Мы видим в природе, что каждая вещь пытается реализовать себя, и поэтому каждый, кто обладает какой-то особой силой, должен реализовать ее наилучшим образом, в противном случае он наносит себе большой вред. Итак, каждый должен найти свои особые силы, чтобы полностью развить их в соответствии с Торой, и если он этого не делает, он определенно нарушает порядок вещей в Божьем мире. Это справедливо как по отношению ко всему народу, так и в отношении отдельных личностей. Все должны пытаться понять силы, глубоко скрытые в еврейском народе, так чтобы они могли их развивать не в замешательстве, а в мире и спокойствии, и это принесет избавление, вернет Израиль на свою землю, преодолет зло и соединит Бога и Его имя»⁶⁶.

«Х а - П е л е с»

В серии очерков, опубликованных между 1901 и 1903 гг. в ортодоксальном раввинском журнале «Ха-Пелес» он проявил себя как сторонник возникающего еврейского национализма в характерных для него терминах. В этих очерках он пытался создать третий путь между сионистским утверждением, что национализм не привязан к религии, и религиозным неприятием национализма как безбожного. Он пытался синтезировать религию и национализм, давая новые определения тому и другому.

Так, в первом очерке — «Призвание Израиля и национальность» он пишет: «Основой познания Бога и Его промысла является предопределенное развитие всего человечества. И это та участь, которую Израиль взял на себя. И такова задача иудаизма: наложить отпечаток Божьего единства и промысла на Израиль, для того чтобы он мог служить моделью для всего мира. И поэтому все законы нашей Торы предназначены для укрепления национального духа, и поэтому Тора стремится установить равенство (*шивуй*), чтобы развить в нас настоящую любовь... настоящую любовь детей одного Отца. Только моральное равенство (*шивуй ха-мусар*) приведет к большой беспримерной любви».

Он старается дифференцировать это национальное чувство от национализма, распространяющегося по всей Европе: «Наш национализм (*леумит*) в духе Торы избавлен от вызывающего бунты идиотизма «национализма», оторванного от прямой дороги, легко превращающегося в самолюбие. Но наш национализм построен на наиболее благородном основании моральной философии, и это благородность... которая является основой всех богослужений».

В этих очерках мы видим развитие терпимости к светским еврейским националистам, что позднее сделало его знаменитым. Тем не менее, развивая эту интересную позицию, он не отказывается от своих фундаментальных обязательств

по отношению к традиции. Он скорее проявляет приверженность этим традициям в своих собственных сложных терминах и, не принадлежа ни к одной партии, душе этого дела. Вот что он пишет в следующем очерке: «Странное единомыслие в том, что наш народ должен расколоться на религиозных фанатиков (*харедим*) и просвещенных (*наорим*) послужит нам во вред. Мы не можем относиться к этому терпимо.

Нет ничего более опасного для нас, чем ошибочная религиозная терпимость, которая делает нас слепыми к свету и жизни Израиля. Мы должны заявить, что мы не принимаем разницы между отдельными лагерями религиозных (*харедим*) и просвещенных, мы знаем только, что есть праведники (*цадиким*), средние люди (*бейоним*) и злодеи (*решаим*) и что все, что мы хотим, — это превратить *решаим* в *бейоним*».

В заключительном эссе мы обнаруживаем контуры крупной исторической теории, которую он разовьет в Стране Израиля.

Настоящее, которое черпает силы из будущего, придает смысл отдельным действиям. Будущее — это то, что рождает идеалы. И это переходит в крещендо в смелой, реинтерпретации мистической традиции, как каббалистические идеи, которые всегда использовались в качестве средства для интерпретации деяний Бога и внутренней жизни души, теперь превращаются в стадию мировой истории: «Действительно чистые стремления, сокрытые в Торе, были собраны в дивный божественный образец⁶⁷, так что соблюдение Торы, ее вера и постоянное изучение приведут к их осуществлению. И мы находим их в сочетании силы, которая побуждает и возвышает, и силы, которая останавливает и удерживает: первая — чтобы своевременно действовать, а последняя — чтобы следить за тем, чтобы они не прорывались, когда еще не пришло время, еще не достаточно подготовка той части человечества (*мидат ха-рахамим* и *мидат ха-дин*), которая ограничивает «свет», так чтобы он не переполнил сосуды «и они не лопнули» (кавычки в оригинале. — *Авт.*), так как великий принцип развития человечества следующий: каждое явление («*де'ах*»), которое слишком велико для человечества в данное время, если оно распространяется в мире, пробивая себе путь в жизни через силу, приносит не пользу, а вред! Потому что, помимо того, что его голос не будет услышан, оно найдет много критиков и оппонентов, которые вызовут смущение и растерянность, и добрая воля будет удержана от прихода в мир, даже больше, чем если это было бы без веления времени...»

*

С течением времени *Сион манил к себе. В 1902 г. стал вакантным раввином в Яффе, что означало также быть раввином не только древнего города на побережье Страны Израиля, но и растущих сельскохозяйственных поселений вокруг него. Однако р. Кук оставался в Бауске до 1904 г. в большой степени потому, что община Бауска просто не хотела его отпускать, обещая заплатить его личные долги и повысить жалованье. Другие уговаривали его остаться, чтобы избежать как полемики, так и прямого конформизма со светским сионизмом, что неизбежно повлек бы за собой такой переезд.

Но он уехал.

В день отъезда толпы людей провожали его из города, пока он наконец встал в экипаже и, обращаясь к присутствующим, напомнил им талмудическое изречение о том, что расставаться со словами Торы следует только для того, чтобы их

запомнили. Он сказал, что поскольку Тора объединяет нас всех в наших скитаниях и если необходимость требует, чтобы мы расстались, и мы делаем это со словами Торы, то мы никогда реально не разделены. Мы всегда объединены в наших душах. Теперь, уезжая в Страну Израиля, мы знаем что все мы снова встретимся в Сионе⁶⁸.

И в пятницу 13 мая 1904 г. р. Кук прибыл в Страну Израиля.

Когда он здесь оказался, его мысли приняли другое направление, обратились к романтизму, прославлению индивидуальной субъективности и далеко идущему прочтению светской истории как представлению божественной драмы возвращения.

Это годы в Стране Израиля обеспечили р. Куку его место в еврейской, а в действительности в мировой истории. Однако изучение его жизни в Восточной Европе каким-то образом ярко освещает контраст с его позднейшими взглядами, а с другой стороны, углубляет наше понимание его мыслей в целом. Это в Бауске он служил раввином космополитической общины до принятия должности, которая требовала космополитизма в гораздо большей степени. Это здесь он впервые развил терпимость и плюрализм, которые стали его основными критериями. И его связи с движением мусар оставили его собственный неизгладимый след на его канонических трудах, в которых термин «мусар» появляется чаще любого другого. Надеюсь, что я показал здесь, что его исключительная одиссея в Стране Израиля имела свои собственные богатые истоки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кук Авраам Исаак (1865—1935) — раввин, теолог и мыслитель. Родился в Гриве-Земгаллене Курляндской губернии (ныне часть Даугавпилса, Латвия), в 1884—1886 гг. учился в Воложинской иешиве (Белоруссия). С 1888 г. был раввином в Жеймели (ныне Жеймялис в Литве), а с 1895 г. — в Бауске Курляндской губернии. В 1904 г. эмигрировал в Палестину, где стал раввином Яффы и стремился приобщить ортодоксальных евреев к идеалам сионизма, хотя критиковал сионистов за чрезмерное увлечение мирскими потребностями и за пренебрежение религией. Один из основателей религиозно-сионистского движения *«Мизрахи». Во время Первой мировой войны руководитель одной из еврейских религиозных общин Лондона. С 1919 г. главный раввин Иерусалима, а с 1921 — первый верховный раввин Страны Израиля. В подготовке духовенства считал важным также преподавание ряда светских предметов. Автор многочисленных богословских и религиозно-философских сочинений. — *Ред.*

² לרב לוי, עורך, פנקס הקהילות: לטביה ואסטוניה, (ירושלים: יד ושם, תשמ"ח) ע' 80.

³ שם, ע' 90—83.

⁴ Некоторое напряжение возникло, как и повсюду, вокруг дела о ритуальном убийстве (см.: Na'Melitz, 1867. Adar. I 30). Эти напряженные отношения в итоге вовлекли в споры двух крупнейших талмудистов конца XIX в. — Меира Симху Кац-Кагана (1843—1926) и Иосифа Розина из Рогачева (1848—1936), когда в 1890 г. последний принял на себя руководство хасидской общиной и в некоторых случаях недостаточно продвигал объединенные общинные учреждения. Биографический и библиографический очерк об этих двух людях, в котором затронута напряженность в их отношениях, дан Рабинером в Книге памяти Латвии (Yizkor Book. P. 305—309).

⁵ Мендельсон Моисей (Мозес) (1729—1786) — еврейско-немецкий философ, видный представитель немецкого Просвещения. Интерпретировал традицию иудаизма в духе идей религии разума. Послужил прототипом для драмы Г. Э. Лессинга «Натан Мудрый» (1779). С его выступления «Что такое Просвещение?» (1784) началась дискуссия, в которой участвовали И. Кант, И. Г. Гердер и др. Духовный вождь движения *Гаскала на его начальном этапе. — *Ред.*

⁶ Ривкин Б. Курляндские Литваки // История культуры литовских евреев. Нью-Йорк, 1951. С. 408—416. (На идише).

- 24 סדר אליהו: תולדות הגאון רבי אליהו דוד רבינוביץ-תאומים (האדר"ת), כתובות בידי עצמו (ירושלים: מוסד הרב קוק, 1983) תחילת כתיבתו בשנת תר"ס (ע' 13)
- Раввинские автобиографии не были обычным жанром, но и не являются вовсе не известными. Список раввинских мемуаров и обсуждение некоторых заключенных в них историографических выводов см.: *Schacter J. J. History and memory of self: The autobiography of Rabbi Jacob Emden // Jewish history and Jewish memory: Essays in honor of Yosef Hayim Yerushalmi / Eds. E. Carlebach, J. M. Efron, D. N. Myers. Hanover, 1998. P. 428—452, esp. 442—446.*
- 25 По их договоренности Адерет посылал ему один рубль в неделю и одежду на год жизни в Воложин, и обещал ему сумму в 800 рублей и три года проживания и питания после женитьбы.
- 26 Как вспоминал позднее другой ученик, «когда я впервые вошел в иешиву и посмотрел вокруг, я был удивлен тем, что я увидел. В своей жизни я никогда не видел такой сравнительно просторной и красивой иешивы — широкий и длинный учебный зал, столы, расположенные вдоль и поперек от одного конца до другого, лишь с узким проходом между ними, столы, связанные тесьмой по бокам, так что свитки Талмуда одного не задевали другого, стоящего перед ним» (*Rados J. L. Memoirs. Johannesburg, 1936. P. 64. (Hebr.)*).
- 27 До сих пор еще мало, если они вообще имеются, всесторонних научных трактовок Нецива, достойных его, хотя количество монографий растет. Много биографической информации можно найти в мемуарах его сына Меира Бар-Илана «Из Воложина в Иерусалим» (Тель-Авив, 1971. (Ивр.)) и его племянника Баруха Эпштейна, «*Мекор Барух*» (Вильно, 1928).
- 28 *Neriah, Tal. P. 70, 239—245.*
- 29 *Berdichevsky M. Y. Yeshivat Etz Hayyim // He'Asif. 1886. N 3. P. 237—238.*
- 30 Нерия, в его «Пиркеи Воложин» (Иерусалим, 1964. С. 38—39), говорит, что это был метод само-го Хаима Воложинского; в то же время непонятно, пытается ли он уменьшить кажущееся влияние гаскалы на эту особую идиосинкразию (своеобразную реакцию. — *Ped.*).
- 31 Интересный рассказ, переданный его современником Зелигом Реувеном Бенгисом (1864—1953), необычайно одаренным талмудистом, который в итоге эмигрировал в Палестину, определенно указывает на его особую набожность, а также на то уважение, которое ему оказывал Нецив. Бенгис заметил, что молодой Кук во время изучения Талмуда, повторно заглядывал в какие-то бумаги на его полочке. Это обычно служило знаком того, что ученик заглядывает в литературу гаскалы или в газеты, и Бенгис рассказал о своих опасениях Нециву, который велел ему оставить Кука в покое, сказав: «Он праведник». Не в силах побороть себя, Бенгис в конце концов заглянул в мистические бумаги Кука. «И что я нашел? Списанные от руки куски бумаги, с именем Бога». Очень смущенный Бенгис доложил о своей находке Нециву Шалому Грею (Толодот ха-Гаон рабби Зелиг Реувен Бенгис // *Иешурун. Нисан 1763 / весна 2003. № 12. С. 150—192, 156*). Этот рассказ поразительно точен для открытого цинизма, который р. Бенгис демонстрировал по отношению к р. Куку впоследствии в Палестине.
- 32 Следующий отчет извлечен из «Седер Элияху» Адерета (с. 64—67). *Aderet's Seder Eliyahu. P. 64—67*. В то время как принятие р. Куком раввината обычно приписывается влиянию р. Израила Меира ха-Коэна — Хафец-Хаима, необходимость зарабатывать на жизнь была не менее важна.
- 33 Одна из старейших литовских еврейских общин, насчитывающая несколько столетий, среди ее наиболее известных сынов был Шломо Залкинд Горовиц, ученик Мендельсона, известный ориенталист и член наполеоновского Синедриона (съезда еврейских общин Франции, 1807 г. — *Ped.*) (Пинкас Хакхилот Литва. Иерусалим, 1996. С. 291—292).
- 34 *Kagan B. Yiddishe Shtod. P. 174.*
- 35 В письме 1889 г. к Адерету, напечатанному в приложении к одному из сборников респонсов, он рассматривает различные возможные раввинские посты; он говорит что не хотел бы в Крейцбург (впоследствии Крустпилс, ныне часть города Екабпилса в Латвии. — *Ped.*), потому что там хасидский *море-цедек* (учитель), 2) раввинат в этом регионе в плохом состоянии, 3) он не хочет спорничать с раввином близлежащего Якобштата (ныне Екабпилс. — *Ped.*); но Лаховиц звучит соблазнительно; и он говорит, что раввин Бауска (т.е. Элиасберг) вернулся из Плоцка, по пути к своему новому месту назначения, и просит письмо о нем (см.: «Орах Мишпат, Хашмагот у-Милуним», 1). Более поздние воспоминания р. Кука о его дружбе с Элиасбергом были записаны Дж. Л. Саймоном в: Синай. 1940. № 6.

- ³⁶ Краткую биографию Элиасберга, сопровождаемую большим числом его публицистических выступлений см.: *Genahovsky A. M. Gaon Ha-Mahshava Ha-Zionit // Azkarah. Vol. 5. P. 453—555. Набросок его независимых идей см.: Shahar D. Tefisato Ha-Zionit ve-Ha-Datit shel Ha-Rav Moredekhai Eliasberg (1817—1889) // Kivvunim. 1984. N 25. P. 93—112.*
- ³⁷ В нескольких источниках сообщается что он почти еженочно вставал в полночь, учил всю ночь Тору и встречал зарю пением псалмов.
- ³⁸ Под этим именем известен Элияху бен Шломо Залман (1720—1797), знаменитый талмудист и ученый. — *Ped.*
- ³⁹ См.: *Kol Kitvei Ahad Ha-Am. P. 41.* Известный традиционалист просветитель С. И. Фуенн, по рассказам, говорил об Элиасберге, что он никогда не встречал другого раввина с «такой чистой душой». (Ахад-Гаам (псевд., означающий «один из народа»; наст. имя и фам. Ашер Гирш Гинцберг) (1856—1927) — еврейский публицист и философ; жил в России и Палестине. Полагал, что политический сионизм, провозгласивший своей целью создание еврейского государства на исторической родине, не сможет решить еврейский вопрос во всей его полноте. Так называемый духовный сионизм, основоположником которого считается Ахад-Гаам, предполагает, что духовные ценности, создаваемые в духовном центре еврейства, в который превратят страну предков поселившиеся в ней, будут питать весь еврейский народ и сохранять его единство в странах рассеяния. — *Ped.*)
- ⁴⁰ *Eliasberg Sh. Terumat Yad. Vilna, 1875; Id. Shevil Ha-Zahav. Warsaw, 1897.* Вводный очерк к последнему — источник большого количества биографической информации. Собрание его очерков и писем имеется в кн.: *Ha-Rav Mordekhai Eliasberg: Mivhar Maamarav / Ed. A. M. Genahovsky. Tel-Aviv, 1947 (далее — Mivhar).*
- ⁴¹ Он также был тем, кто первый внедрил исполненные мистицизма взгляды Нахманида в Стране Израэля в протосионистском дискурсе как противопоставление маймонидовскому натурализму.
- ⁴² Пространную дискуссию см.: *Shevil Ha-Zahav. P. 20—30.*
- ⁴³ *Shevil. P. 76—77.* Не ирония ли, что правнук Элиасберга Соломон Зильберштам в итоге стал известным эсперантистом.
- ⁴⁴ Лившиц переводил литературу с немецкого на иврит, рассказы, опубликованные под названием «Галгал ха-Хоцер» (Варшава, 1867) и писал под псевдонимом *Софер-Махур.* Он опубликовал три тома проповедей «Ха-Мидраш ве-ха-Маасе» (Петраков, 1901). О нем см.: *Kagan B. Yiddishe Shtod. P. 231.*
- ⁴⁵ Краткий обзор политической истории «Хибат-Цион» см.: *Vital D. The origins of Zionism. Oxford, 1975. P. 136—186.*
- ⁴⁶ *Bauska // Pinkas Ha-Kehillot: Latvia ve-Estonia / Ed. D. Levin, e.a. Jerusalem, 1988. P. 63—69.*
- ⁴⁷ *Rabbiner Z. A. Shalosh Kehillot Kodesh // Yahadut Lavia: Sefer Zikaron / Ed. A. Ettingen, S. Lifshcitz, M. Abramson, M. Lavi. Tel-Aviv, 1953. P. 244—296.* Беньямин Рабинер, потомок первого раввина Бауска, бывший питомец Воложина и близкий друг сына Элиасберга — Ионатана. Нерия упоминает этот очерк между прочим, однако извлекает из него очень мало полезного.
- ⁴⁸ Их имена и биографические данные даны: *Ibid. P. 260—266.*
- ⁴⁹ Яков Эфраимсон, почитатель трудов С. Р. Гирша, опубликованных в «Израэлит-ми-Майнц» и общих газетах, а также писавший для «Ха-Пелес» под псевдонимами Ха-Цофе ме-Хар-Эфраим, Бен Эсрраим, Метушелах и др. Так же как Ионатан Элиасберг, он умер молодым. Я до сих пор не смог обнаружить его переписку с раввином Куком, но, если она найдется, то представит собой подлинный интерес.
- ⁵⁰ Рабинер пишет (с. 263), что в 1903 г. они поставили в доме раввина Кука пьесу, написанную раввином Исааком Фридманом, описывающую закрытие Воложина. Саул, одетый в пальто и меховую шапку его брата, чтобы играть роль странствующего собирателя денег для иешивы, которого мы помним, был их отцом. (Рабинер, понятно, опускает это.)
- ⁵¹ *Zoref E. Hayei Ha-Rav Kook. Jerusalem, 1961. P. 54.*
- ⁵² Это появляется как предисловие к Песни Песней в посмертно опубликованном комментарии р. Кука к молитвеннику «Олат-Реях».
- ⁵³ В своем коротком предисловии Цви Йегуда говорит: «Эти святые слова его были написаны приблизительно на прошлый юбилей, во время «нуним» (Нуссар Авиха. Иерусалим, 1946; перепечатано в «Моссад ха-Рав Кук» в 1971 г.) вместе с пассажем о развитии характера и религиозности,

озаглавленном «Мидот ха-Реия»; наша нумерация страниц соответствует последнему изданию (далее — МА); мы не будем обсуждать «Мидот», так как почти все они датированы временем, после прибытия р. Кука в Палестину в 1904 г. — см. указатели в «Шемонах Кевазим» р. Кука (2-е изд. Т. 2. С. 542—543).

⁵⁴ МА. Р. 17.

⁵⁵ Сын Мордехая Элиасберга Ионатан предпослал своему сборнику талмудических исследований «Даркхей Храах» (Вильна, 1884) трактат о талмудическом исследовании как о созерцательно-этическом методе под названием «Дарка шел Тора».

⁵⁶ МА. Р. 17—19. Темы, которые надо изучать, — это соответствующие истины веры как категории существования Бога, письменной и устной Торы, необходимого существования каббалы и изучение многочисленных благ и величие человеческой души вообще и Израиля, его земли и избавления.

⁵⁷ МА. Р. 28

⁵⁸ Ibid. Р. 37.

⁵⁹ Ibid. Р. 38.

⁶⁰ Ibid. Р. 39.

⁶¹ Ibid. Р. 40.

⁶² Ibid. Р. 43.

⁶³ Ibid. Р. 46.

⁶⁴ Ibid. Р. 66—67.

⁶⁵ Ibid. Р. 67—68.

⁶⁶ Ibid. Р. 83.

⁶⁷ מערכה אלהית בפלאה.

⁶⁸ Описание этого отъезда имеется в Sihot Ha-Reiyah. P. 306; L'Sheloshah Be-Elul. 1947. N 2. Siman 14.